

После той памятной истории в императорском саду Цюй Дубянь три дня честно и безвылазно просидел во дворце Цзычэнь, прежде чем ему наконец выпал шанс высунуть нос за порог.

Папенька его оказался человеком на редкость мелочным. Подумаешь, слухи по всему дворцу расползлись! И стоило из-за такой ерунды, прикрываясь заботой о здоровье, мариновать его в четырёх стенах столько времени?

«Ну и вредный же старик, никакого великодушия. Если он уже сейчас такой придирчивый, что же будет дальше? Видимо, его нужно тренировать усерднее»

Впрочем, эти три дня не прошли даром. Дубянь окольными путями разузнал всё, что касалось предстоящей церемонии посмертного возведения наложницы Юнь в сан императрицы.

Этот шаг императора Чунчжао, по крайней мере внешне, ставил всех принцев на одну стартовую линию. Для Дубяня, всё ещё слишком юного и уязвимого, это было одновременно и бременем, и защитой — классический пример того, как в политике дворца одно решение служит и щитом, и мечом.

— Вашему Высочеству не стоит так сильно беспокоиться. В день церемонии всё будет подготовлено, вам нужно лишь следовать за остальными, — мягко произнёс Е Сяюань.

Спутник Е решил, что маленький принц просто боится совершить оплошность в такой важный день, оттого и проявляет столь живой интерес к деталям.

— О делах матушки лучше знать как можно больше, — отозвался Дубянь. — Сяюань, ты всё выяснил? Кто именно там будет?

Е Сяюань ласково погладил его по голове:

— Все наложницы гарема, включая императрицу, обязаны присутствовать. Сама императрица лично зажжёт лампы и внесёт их в зал. Вам же останется лишь принять участие в ритуальной трапезе.

Он немного помолчал, припоминая подробности:

— За ваши блюда отвечает Управление императорского стола. Кстати говоря, нынешний глава Управления формально приходится вам двоюродным дедушкой.

Маркиз, Держащий Меч, был старшим в роду Сюй, а этот чиновник — его вторым младшим братом. Старый маркиз почти разорвал отношения со своими братьями несколько лет назад; Е

Сяюань смутно помнил причины той ссоры, но решил не волновать принца лишней раз. Слишком рано ему было вникать в такие семейные дразги. В конце концов, родственные узы — вещь тонкая, а церемония назначена личным указом государя, так что вряд ли кто-то осмелится открыто чинить Дубяню препятствия.

— А кто-нибудь ещё? — прошептал мальчик. — Те люди, что говорят обо мне гадости... они тоже придут?

Сяюань на мгновение замер, встретившись взглядом с серьёзными глазами принца.

— Ваше Высочество...

— Тот день очень важен для матушки, — продолжил Дубянь. — Я не хочу, чтобы они обижали её своими словами. Мне кажется, матушка расстроится, если услышит такое.

Е Сяюань всегда видел в нём лишь ребёнка и, оберегая его чувства, многое недоговаривал. Чтобы получить нужную информацию, Дубяню приходилось действовать хитростью.

— Всё это — лишь глупые выдумки, вам ни в коем случае нельзя принимать их близко к сердцу, — с жаром воскликнул Сяюань, искренне сочувствуя мальчику. Ему казалось, что злые слухи всё-таки подточили уверенность Дубяня, и он поспешил исправить это заблуждение. — Помните, вы — самый чудесный ребёнок на свете, и ваша матушка никогда не перестала бы вас любить.

Он добавил более строгим тоном:

— А те, кто болтает лишнее — просто дурные люди. Кстати, главу Астрологического управления на днях наказали палками по приказу императора, а потом заставили пройти «путь гвоздей». Он теперь несколько месяцев с постели не поднимется, лечится дома. Сейчас управлением заправляет заместитель главы... та самая женщина, что подарила вам оберег.

— В день церемонии... Астрологическое управление не принимает непосредственного участия, но именно они определили дату.

Дубянь погрузился в раздумья.

— Сяюань, а тот оберег от заместителя главы ещё у нас?

— Конечно, я его надёжно спрятал.

— Возьми его с собой. Я хочу пойти и поблагодарить её.

Сяюань изумился:

— Вы хотите пойти в Астрологическое управление?

— Да, прямо сейчас!

Е Сяюань хотел было возразить, но он никогда не мог устоять перед просьбами Дубяня. Для видимости поворчав немного, он позвал Вэнь Сяочуня и ещё нескольких слуг, и вся процессия направилась к управлению.

Сяюань вовсе не стремился устраивать пышный выезд, но маленький принц в большинстве случаев был покладист, а в исключительных — проявлял такое упрямство, с которым не мог совладать даже император. Он опасался, что если что-то пойдёт не так, Дубянь может просто полезть в драку.

По сути, этот визит мало чем отличался от попытки выбить дверь в доме соседа, который заглазно распускает о тебе сплетни.

Цюй Дубянь вышагивал впереди своей свиты из семи-восьми человек, заложив руки за спину.

Теперь он старался как можно меньше пользоваться услугами слуг: если только ноги совсем не отказывались служить, он шёл сам. Физическое состояние этого тела всё ещё оставляло желать лучшего, и он понимал, что нагрузку нужно наращивать постепенно.

Вэнь Сяочунь лишь беспомощно вздыхал — маленький принц был слишком самостоятельным, и вся его недюжинная сила пропадала без дела.

У самого входа в управление им встретился патрульный отряд. Командир почтительно поклонился: хотя он никогда не видел Седьмого принца в лицо, он знал, что в этот час все остальные принцы прилежно учатся в школе. Ребёнок, который может в это время свободно разгуливать по дворцу с такой толпой слуг, был всего один.

Закончив приветствие, страж поднял голову и скользнул взглядом по свите принца. Когда его взор остановился на Вэнь Сяочуне, он внезапно запнулся:

— Позвольте...

Дубянь вскинул голову:

— М?

Патрульный снова поклонился:

— Мне кажется, лицо вашего внуха мне знакомо. Могу я взглянуть на него поближе?

— Знакомо? — Дубянь обернулся.

Вэнь Сяочунь стоял с опущенными глазами, сохраняя внешнее спокойствие, но его ладони незаметно сжались в кулаки.

Он мгновенно вспомнил: это был тот самый стражник, который осматривал его тележку с нечистотами в ту ночь. Тогда было темно, лицо он скрыл синей тканью, и по всем правилам его не должны были узнать.

Е Сяюань едва заметно нахмурился, его сердце тревожно забилось.

— Да, — продолжал стражник, — у меня отличная память на фигуры. В ночь пожара в управлении я мельком видел одного человека... очень похожего.

Вэнь Сяочунь выдохнул и поднял голову, выдавив улыбку:

— Разумеется, вы можете осмотреть меня.

Он уже сделал шаг вперёд, когда раздался резкий, звонкий голосок:

— А вот и нельзя!

Дубянь напустил на себя строгость, впервые в жизни в полной мере используя свой статус принца:

— Сяочунь — мой человек. Раз я не даю согласия, вы не смеее его трогать.

Вэнь Сяочунь замер. Маленький принц загородил его собой, и хотя из-за разницы в росте его короткая ручонка едва доходила внуху до колена, жест этот был полон решимости. Мальчик защищал его.

[Имя: Вэнь Сяочунь]

[Благосклонность: 50]

Стражник замялся:

— Но позвольте...

Дубянь, услышав в голове системное сообщение о росте благосклонности, даже не обрадовался — им двигал не расчёт, а искреннее желание защитить своего.

Заметив колебания стражника, он подошёл к Сяочуню и крепко обхватил его за ногу:

— Уходите скорее, я не дам вам на него смотреть. Сяочунь, не бойся!

«Сяочунь только и делает, что учит меня тайцзи, да выполняет поручения Сяююаня. Такой тихий человек просто не может быть поджигателем. Неужели я этого не знаю?» — ворчал он про себя. В его голове родилось подозрение: а не пытается ли кто-то планомерно убрать от него верных людей, чтобы подsunуть своих шпионов? Судя по канонам дворцовых интриг, если Сяочуня сейчас заберут, он может больше не вернуться.

— Раз Седьмой принц уже здесь, почему бы ему не войти?

Из ворот Астрологического управления вышла Чжан Чаньсы. Сначала она почтительно поклонилась Дубяню, а затем перевела взгляд на патрульного:

— Как у тебя хватило смелости преграждать путь принцу и требовать выдачи его слуг?

Стражник вздрогнул от ужаса:

— Я не смел!

Чжан Чаньсы холодно продолжила:

— Мало того, что поиск преступников не входит в обязанности патрульной службы, так ещё и наш глава уже признал: пожар был карой небес за его ложь императору. Ты собираешься оспаривать слова главы управления? Хочешь отправиться во дворец и доказать свою правоту перед государем?

Стражника прошиб холодный пот. Он торопливо поклонился:

— Виноват, благодарю госпожу за наставление. Ваше Высочество, простите мою дерзость, прошу вашей милости!

Дубянь великодушно махнул рукой:

— Ступайте уже, на улице зима, холодно ведь.

Патрульный со своими людьми поспешил скрыться с глаз. Гроза миновала.

Дубянь отпустил ногу Вэнь Сяочуня и с любопытством спросил:

— О? Вы угадали, что я приду?

Чжан Чаньсы едва заметно улыбнулась:

— Я немного смыслю в искусстве гадания. Звёзды предсказали визит дорогого гостя. Прошу вас, Ваше Высочество.

Она провела Дубяня внутрь.

Е Сяююань метнул в сторону Вэнь Сяочуня яростный взгляд, подошёл и больно ущипнул его за бок. Тот, чувствуя свою вину, лишь ниже опустил голову, не смея издать ни звука.

Внутри управления внимание Дубяня привлекла обгоревшая каменная стела. Хотя её очистили от копоти, следы огня всё ещё были видны.

«Астрология — не гадание на богах и духах, мастер видит лишь удачу и беду».

Шестнадцать иероглифов были высечены на камне так глубоко, словно их вбивали туда топором. Дубянь невольно ощутил иронию.

Тот самый глава управления, что сейчас лечился дома, явно не брезговал «богами и духами», и кто знает, скольких людей он погубил своими рассказами.

Слуги остались во дворе, и только Е Сяююань последовал за принцем в зал. Там их ждала изысканно обставленная чайная комната.

Чжан Чаньсы налила принцу чаю. Дубянь, не заботясь о придворном этикете, уселся напротив неё, скрестив ноги, и понюхал пар, поднимающийся от чашки.

М-да, пахнет не так приятно, как в Цзычэне. Его мысли на мгновение унеслись вдаль — как же ему сейчас не хватало обычного бабл-ти.

— О чём Ваше Высочество желает спросить?

Дубянь подпёр подбородок рукой и моргнул, слегка удивлённый тем, что заместитель главы не пытается сюсюкать с ним, как с ребёнком.

— Вы не боитесь, что я ничего не пойму?

Чжан Чаньсы ответила:

— Вы развиты не по годам. Великий наставник Фан как-то вскользь упоминал об этом.

«Неужели её благосклонность вызвана чувством вины?» — подумал Дубянь и решил проверить свою догадку.

Он подался вперёд, ухватил Чжан Чаньсы за рукав и тихо, почти шёпотом, спросил:

— Я хотел узнать... может ли из-за меня погода в день поминовения матушки испортиться?

— Вы... — Чаньсы замерла.

Ребёнок продолжал умоляющим тоном:

— Если может, вы не могли бы сделать её хорошей? Я могу принести вам маленькую курильницу отца-императора, его благовония, вкусности, сапоги, нефритовый перстень... У меня много всего есть, я всё отдам, только пусть будет ясное небо.

[Благосклонность +1]

Чжан Чаньсы не знала, смеяться ей или плакать.

Даже если бы маленький принц действительно принёс всё это, она бы ни за что не осмелилась принять — за такое и головы лишиться недолго. Но в душе она невольно вздохнула. В этих по-детски наивных словах она почувствовала искреннюю любовь и преданность принца своей матери.

Она ответила со всей серьёзностью:

— Будьте спокойны, Ваше Высочество. Мы несколько раз проверяли расчёты: в тот день небо будет ясным. И не слушайте, что говорят люди. Туман лжи рано или поздно рассеется.

Эти слова Дубянь намотал на ус. Значит ли это, что версия о его «греховной сути» в конце концов будет опровергнута? Доказательств пока нет, но если обман раскроется, один лишь глава управления не сможет сдержать гнев императора. За такое преступление казнят весь

род.

Мальчик поднял голову и встретился с ясным, спокойным взглядом Чжан Чаньсы. Трудно было понять, что на самом деле у неё на уме.

Он лишь улыбнулся:

— Хорошо! Тогда я спокоен.

Цель была достигнута — он узнал, что Астрологическое управление не собирается строить козни в день церемонии. Его взгляд упал на несколько листов бумаги, лежащих на столе.

— О?

На одном из них была начерчена задача по стереометрии. Знакомые термины вроде «цяньду» — призмы и «янма» — пирамиды мгновенно воскресили в памяти образы из «Девяти глав искусства счёта», которые он изучал в прошлой жизни. Задача была совсем простой: если правильно применить формулу, решение заняло бы не больше пяти минут.

В обычно спокойных глазах Чжан Чаньсы вспыхнул огонёк интереса. Она словно ожила, холодная маска спала, уступив место живым эмоциям:

— Ваше Высочество интересуется счётом?

В глубине её зрачков заплясало едва заметное возбуждение — казалось, скажи Дубянь хоть слово, и она тут же начнёт читать ему лекцию.

Мальчик мгновенно почувствовал, в чём кроется ключ к сердцу Чжан Чаньсы. Он осторожно спросил:

— ...А если я скажу «да»?

Лицо заместительницы главы мгновенно просияло. От образа сдержанной и мудрой наставницы не осталось и следа. Она одним движением развернула к нему столик и невесть откуда извлекла кисть.

— Тогда я вам всё объясню!

В Великой Чжоу математика никогда не была в почёте. Принцы считали её уделом купцов да мелких советников и никогда не проявляли к ней интереса. Но Чжан Чаньсы знала: в этих фигурах и числах сокрыты все тайны небес и земли!

Она лишь сокрушалась, что во всём мире ей не с кем разделить радость открытия. Понимая, что и нынешний, и будущий императоры, скорее всего, будут презирать это искусство, она почти смирилась. Но если кто-то из правящей семьи проявит интерес... это могло бы заставить и других учёных обратить внимание на счёт. Увлечение принца математикой весило куда больше, чем прихоть какой-то заместительницы главы управления.

Она разложила бумагу. Боясь спугнуть редкого гостя, проявившего интерес к её страсти, Чаньсы выдавила улыбку, которая совершенно не вязалась с её обычным строгим обликом:

— Ваше Высочество, слушайте внимательно.

Изысканная чайная комната в один миг превратилась в учебный класс младшей школы.

Дубянь смотрел на простейшие вычисления, напоминающие «один плюс один равно два», вспоминал ту неоконченную геометрическую задачу на краю стола и тяжело вздыхал про себя.

«Стоит ли мне сказать этой почтенной даме, что моих знаний хватит, чтобы самому стать её учителем?»

<http://bllate.org/book/16117/1588204>